

СЛАВЯНСКИЕ ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ: АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Статья посвящена славянским названиям жителей деревень, городов, областей, регионов и др., которые образованы от соответствующего топонима — официального или неофициального: рус. *омичи*, *питерцы*, блр. *віцябляне/віцябчане* ‘жители Витебска’, польск. *śpisáki* ‘жители Спиша — исторической области в Словакии и Польше’ и проч. В ономастике для этих названий используется термин *катойконим*. Такое использование имеет устойчивую традицию, но не всегда удобно: в силу своей внутренней формы термин *катойконим* указывает на слова, связанные с ойконимами (обозначениями населенных пунктов), в то время как названия жителей могут быть производными от обозначений ландшафтных объектов, ср. рус. влг. *енталёнок* ‘житель бассейна р. Ёнтала’, серб. *динарац* ‘тот, кто проживает в Динарской горной системе’ и др. Этот лексический класс составлен существительными, реализующими специфические модели словообразования (обычно суффиксального¹), однако периферию

¹ Весьма редко встречаются иные способы субстантивного словообразования, например, бессуффиксный: рус. арх. *хавгóra*, *кельчемгóra* ‘жители дд. Хавгорá, Кельчемгорá’. Возможны также игровые номинации типа *долгона*, *долгонёры* ‘жители г. Долгопрудный Московской области’ [Ахметова 2015б: 15].

Елена Львовна Березович,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Автор благодарит М. В. Ахметову, М. Белетич, Т. В. Володину, М. В. Жуйкову, Н. И. Зубова, Х. Карликову, Ст. Клоферову, К. Колеву, Л. Кралика, А. Лому, О. В. Меркулову, Д. Мирич, Г. Мишева, И. И. Муллонен, И. А. Сedaкову, Л. Тодорову, С. Торкара, А. Тырпу, В. Б. Фридендера, А. В. Юдина, И. Янышкову за помощь в сборе материала для статьи; особая благодарность С. М. Толстой и Л. А. Феоктистовой за ценные замечания и соображения, высказанные при знакомстве с текстом.

его образуют слова, не имеющие соответствующего оформления: например, в роли катойконимов могут выступать субстантивированные оттопонимические прилагательные (иркут., краснояр. *анга́рские* ‘о коренных жителях селений, расположенных на р. Ангаре’: «Ангарские-то и до сейчас обычаи знают свои» [СГБС 1: 346–347], перм. *ви́шерский* ‘человек, живущий в г. Красновишерске, в деревне, расположенной на берегу реки Вишеры’: «Вишерски-те побили уральских, всё отобрали» [СРГСПермК 1: 244]). Это периферия с точки зрения словообразования, а есть еще периферийные случаи в плане номинации и семантики. Номинативная периферия представлена словами, чьи производящие основы имеют спорный статус на оси «имя нарицательное — имя собственное»: так, укр. *западенець* и польск. *góral* образованы от слов *zapaд* и *góra*, имеющих в данном случае проприальное значение — указание на Западную Украину и горный массив на юге Польши (ср. смысловую разницу между польск. *góral* и рус. *горец*). Семантическую периферию составляют, к примеру, слова, которые обозначают не постоянных жителей какого-либо места, а его временных посетителей или обитателей: рус. *охотнорядец* ‘торговец Охотного ряда в Москве’, арх. *му́рманцик* ‘помор, промышляющий в Северном Ледовитом океане, на Мурмане’ [Дуров 2011: 231].

Славянские оттопонимические названия жителей рассматривались исследователями преимущественно в словообразовательном (историко-словообразовательном), социолингвистическом, лингвогеографическом, лингвостилистическом и лексикографическом аспектах (М. В. Ахметова, А. М. Бабкин, В. М. Генкин, И. Л. Городецкая, В. О. Горпинич, Л. К. Граудина, Х. Гурнович, А. А. Дементьев, Е. А. Левашов, В. П. Фролова, Б. Моссаковска, Г. И. Петровичева, М. Чаплицка-Недбалска, М. Шапиро, З. С. Шеломенцева, М. Ярач и др.).

При этом мало изучен потенциал **ассоциативно-деривационной семантики** названий жителей. Самая важная для лингвистического исследования зона такой семантики — значения семантических и семантико-словообразовательных дериватов, поскольку они «воплощают в себе ту часть выраженного в вербальной форме знания о явлениях действительности, которая наиболее устойчива, верифицирована системой языка и даже в известной мере создана ею — в процессах разного рода внутриязыковых притяжений и сближений» [Березович 2014: 14]. В результате семантической деривации появляются производные со смысловыми наращениями: рус. ворон. *астраха́нец* ‘грубый, некультурный, отчаянный человек, чаще ребенок’ [СВоронГ 1: 44], серб. воевод. *стапарка* ‘о женщине, любящей сплетничать, не занимающейся тяжелым крестьянским трудом’ [сообщено Д. Мирич] <жительница с. Стапар, находящегося недалеко от с. Бачки Брестовац, где записано данное слово>; ср. также

семантико-словообразовательные дериваты: рус. арх. *вагáнить* ‘делать что-н. небрежно, кое-как’ [АОС 3: 22] <*вагáн* ‘житель бассейна р. Вага’>, моск. *намосквичиться* ‘перенять манеры и ловкость москвичей’ [СРНГ 20: 41], серб. *динарачки* ‘как свойственно динарцам <жителям Динарского нагорья>: решительно, неутомимо’ [РСЈ: 281]. Интересующие нас семантические дериваты могут функционировать не только в нарицательной лексике, но и в проприальной: детские витамины *Сибириячок* (ср. рекламу этих витаминов: «Чем известны сибиряки? Тем, что они имеют крепкое здоровье. Поэтому название для витаминов выбрано вполне подходящее»). Важная информация кроется и во **фразеологической семантике слова**, проявляющейся в тех смысловых связях, которые устанавливаются у слова в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр.: рус. влг. *байкаловцы приехали* ‘об окончании запасов воды в доме’ [КСГРС] <*байкаловцы* — жители д. Байкалово в Кичменгско-Городецком р-не, где не было реки>, польск. *wesoły jak krakowiak* [НКРР 2: 190], болг. брацигов. *инат като равногорец* <упрямый как равногорец (житель с. Равногор в Родопях неподалеку от Брацигово)> [сообщено Г. Мишевым]. В этих выражениях катойконимы представлены в своих исходных значениях, однако при включении их в состав устойчивого сочетания одни смыслы укрупняются и акцентируются (*байкаловцы* живут без реки, *равногорцы* упрямы и проч.), другие отходят на второй план, поэтому подобный материал тоже представляет для нас интерес.

Критерием отбора материала является величина смыслового наращения, преобразующего семантику катойконима. Не рассматриваются многочисленные метонимические производные, содержащие минимальный семантический шаг (сужение значения). К ним относятся, к примеру, обозначения военных по месту формирования подразделения (самое известное из таких наименований — *запорожцы*; есть другие казаки — *донцы*, *кубанцы*, *уральцы*, *забайкальцы*; среди неказачьих наименований — *измайловцы*, *семеновцы*, *преображенцы* — гвардейцы из полков, формировавшихся в соответствующих селах). Более того, подобные названия, по всей видимости, лишь формально совпадают с катойконимами, поскольку представляют собой стандартные словообразовательные дериваты от соответствующих прилагательных (*Преображенский полк* > *преображенцы*). Не учитываются и наименования социально-территориальных групп по конфессиональному признаку, к примеру, *перховцы* ‘члены религиозной общины, образовавшейся при с. Перхово Вышневолоцкого уезда Тверской губ. под влиянием воззрений Л. Толстого’ [Мгеладзе, Колесников 1965: 56], *бухтарминцы* ‘старообрядцы, живущие в Алтайских горах по р. Бухтарме,

правому притоку Иртыша' [<https://pravoslavnaaya.academic.ru/3403/БУХТАРМИНЦЫ>] и др. Однако возможно дальнейшее развитие семантики подобных слов, когда сема, указывающая на территорию, отходит на второй план или вовсе нивелируется — и соответствующее указание остается только во внутренней форме слова. В этом случае лексические единицы становятся объектами нашего исследования, ср., к примеру, польск. *krakusy* 'солдаты польской легкой кавалерии' [Тугра 2016a] <жители Кракова>, укр. *москаль* 'солдат', *москальня* 'солдаты' [Гринченко 2: 447], рус. костр. *вѣтчана* 'старообрядцы' [ЛКТЭ] <жители бывшей Вятской губернии>, устар. обл. *кержѣк* 'старообрядец' [ССРЛЯ 5: 927] <старообрядцы на Урале и др. в начале XVIII в. могли быть выходцами с р. Керженец (левый приток Волги) [Фасмер 2: 224]>.

Коннотации, которые могут быть выявлены в результате анализа катойконимических дериватов и фразеологизмов, входят в **ядро языковых региональных стереотипов** (под последними в этой работе условно понимается наивный образ жителя какой-либо местности, имеющий языковую закрепленность). Например, в чешском языке (особенно в моравских говорах) отражен образ ганака — жителя Ганы (плодородной низины в центральной и северной Моравии). Из семантических дериватов на основе слова *hanák* можно узнать, что ганак торгуют свиной (морав. *hanák* 'торговец свиной' [ALJ]), выращивают овощи и питаются преимущественно ими (морав. *hanácká svad'ba* <ганацкая свадьба> 'капуста и горох: каждый из ингредиентов готовят и едят отдельно, ложку одного и ложку другого, либо оба смешивают' [Bartoš 1906: 90]), нарядно одеваются (юж.-морав. бржецлав. *hanák* 'человек, одетый по-городскому' [Там же]), немногословны и медлительны (морав. *hanák* 'немногословный человек, который мало ходит, медленно говорит' [сообщено И. Янышковой, Ст. Клоферовой]).

О коннотациях в семантике катойконимов нет, кажется, обобщающих исследований. Имеются немногочисленные работы, посвященные коннотативному фону отдельных названий жителей, ср., к примеру, исследования о польских силезцах («слензаках») [Grybosiova 2007; Miszta 2016], мазурах [Тугра 2006; Березович, Кучко 2017], гуралях [Rak 2015: 47–63], кельчанах [Marczewska 2007], ташкентцах [Шафранская 2014], при этом последние две работы выполнены на материале литературных языков. Чаще (но в целом нечасто) встречаются исследования, в которых катойконимические дериваты изучаются в ряду других семантических производных от соответствующих топонимов, ср., например, статьи о Вятке [Казакова 2011], Питере [Кривошапова 2012], Москве [Березович, Кривошапова 2011], Сибири [Березович, Кривошапова 2015], Варшаве [Тугра

2016b], Кракове [Турга 2016a]. Некоторые примеры рассматриваются также в нашей статье, посвященной дериватам от русских местных топонимов (преимущественно микротопонимов) [Березович 2012]. Имеются исследования региональных языковых стереотипов, выполненные на ином материале — данных лингвистических экспериментов: так, в [JWP] представлены результаты анкетирования, в ходе которого испытуемым предлагались стимулы *warszawiak*, *krakowianin*, *poznaniak*, *góral*, *ślązak* [Там же: 241–246; 252–257; 293–299; 303–308; 326–330]. Экспериментальный материал (дополненный отдельными фразеологическими и паремиологическими примерами) лег также в основу статьи В. Писарека, которая, кажется, является одним из первых исследований, посвященных региональным языковым стереотипам [Pisarek 1975]. Как считает автор, наиболее устойчивыми в польском языке являются *warszawiak*, *krakowiak*, *poznaniak*; менее устойчивы — *ślązak* и *góral*; еще менее — *kaszub* и *mazur* [Там же: 75]. Думается, что более полное привлечение данных системы языка и диалектного материала могло бы внести коррективы в эти выводы.

В настоящей статье ставится задача выявить некоторые общие закономерности формирования ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики славянских катойконимов. Материал будет анализироваться с позиций этнолингвистики (для которой он значим, поскольку помогает понять, как расставлены акценты на социокультурной карте (славянского) мира), а также теории ономастической семантики. Привлечение внимания к этим лексическим единицам весьма полезно также для семантической реконструкции и этимологии. К примеру, решая вопрос о происхождении рус. *безу́к* ‘хороший плотник’ [СРНГ 2: 201], этимологи (А. Е. Аникин, О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев) видят здесь сложение приставки *без-* и основы *ук-* ‘учить’ [Аникин РЭС 3: 50 (с литературой); Варбот 2015: 49]. Однако в смоленских говорах отмечено слово *бизюки*, не попавшее в [СРНГ], но имеющееся в [ССГ], которое является наименованием жителей д. *Бизюково* (неоф. *Бизюки*) в Дорогобужском р-не Смоленской обл., известных своим плотницким искусством: *бизю́к* устар. ‘плотник из деревни Бизюки, работающий по найму’ (с комментарием: «Дорогобужские плотники, или *бизюки* (под которыми разумеются рабочие из соседней с Бизюковской волостей, всего более 200 человек), расходятся по всей Смоленской губернии»), ‘хороший плотник’ [ССГ 1: 178–179]; в контекстах к этому слову, помимо формы *бизюк*, есть и вариант *бизук* [Там же: 179]². Такое

² Эту версию происхождения слова *безук* высказала (не комментируя подробно) О. Д. Сурикова [Сурикова 2016: 132].

расширение значения («профессионал из какой-либо местности» → «профессионал вообще») типично для катойконимов; подобные модели будут изучаться в настоящей работе.

Основной массив слов и фразем, рассматриваемых в статье, — факты русских народных говоров и просторечия (лексические единицы, связанные с книжной традицией, учитываются в меньшей степени); из инославянских данных привлекаются к анализу главным образом польские, реже — белорусские, украинские, сербские, болгарские, чешские; единично представлены словенские, словацкие, нижнелужицкие материалы. При подаче лексических единиц без ссылок на источник даются материалы ономастических картотек Топонимической экспедиции Уральского университета; указывается только область и район фиксации факта.

Трудности разработки данной темы связаны главным образом с тем, что материал крайне скупо фиксируется лексикографическими источниками. По сути, изучаемые лексические факты «падают в щель» (и пропадают) между материалом толковых и ономастических словарей: их не берут составители словарей катойконимов, поскольку они нацелены главным образом на фиксацию словообразовательных вариантов и выбор среди них нормативного; ими пренебрегают и составители толковых словарей нарицательной лексики, поскольку относят их «к ведомству» ономастов. Характерен такой случай: в [КСРНГ] есть урал. *тамбóвец*, самар. *тамбóш* ‘колонист из русских’, но эти факты не попали в соответствующий печатный выпуск [СРНГ]. Еще один показательный факт: жителям бывшего Советского Союза (и, думается, других стран Европы) известен стереотип одессита — весельчака, юмориста. Однако указание на коннотации в семантике слова *одесити* (*одесситы*) не вошло не только в толковые словари украинского и русского языка, но даже в «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [Отин 2004]. Таким образом, попадание этого материала в словари является, к сожалению, в известной мере случайным. Чаще (но ненамного) он фиксируется в диалектных словарях, составители которых более свободно относятся к проприальному / апеллятивному статусу слов.

Помимо этого субъективного фактора, определяющего трудности при сборе материала, есть и объективный, связанный с логикой расстановки семантических и номинативных акцентов в языке. Языковые региональные стереотипы, несомненно, существуют — и в ряде случаев являются очень сильными, яркими и многогранными. Но инициативу обрисовки неформального портрета обитателей тех или иных поселений у катойконимов нередко «перехватывают» характеризующие неоттопонимические имена — коллективные прозвища, которые описывают язык, одежду, занятия, особенности

поведения жителей и т. п.³ Таким образом, «энергия» языка оказывается перераспределенной: коннотации находят номинативный выход не столько в семантической деривации на основе катойконимов, сколько в создании специальных прозвищных имен (и даже особого фольклорного жанра — географических песен, где используются не только прозвища, но и разного рода описательные конструкции, характеризующие обитателей какой-либо местности)⁴.

Кроме того, стереотипные представления о жителях какой-либо местности могут закрепляться иными способами — например, в атрибутивных сочетаниях, составленных оттопонимическим прилагательным и существительным: рус. *ленив, как клéпенский мужик* ‘о лентяе, полном бездельнике’ (Смолен. губ., Сычевск. уезда, село Клепени, где все нищие, по обычаю) [Даль ПРН₂ 2: 51], забайк. *ботало енисейский (анисейский)* ‘болтливый человек, пустослов’ [СГСЗ: 49], вят. *казанский жулик* ‘бранное выражение’ [СРНГ 12: 310], укр. *львівський охайний хлопчик* ‘недотепа, дурень’ [ЛЛ: 421], польск. *wygadana jak przekupka warszawska* (бойкая на язык, как варшавская торговка) [НКРР 3: 616] и т. п.

Но все же коннотативные катойконимы устойчиво фиксируются в системе языка и должны стать объектами анализа.

³ Такие прозвища могут употребляться как отдельно, так и в составе различных фольклорных жанров, например: рус. арх. *ельцы́ и опалёны овцы* ‘жители дд. Матвера и Верховье Пинежского района’: «Матверцы рыбачат на Пинеге: основная их добыча елец, оттого их и прозвали ельцами. Бывало сверху на плотах плывут книзу, мы им с берега: “Верховцы — опалены овцы!” А они наответ: “Матверцы — ельцы женились на овцы!” Так и препираемся» [Воронцова 2011: 109]; блр. *пыняк* ‘житель гор. Мстиславль — за частое употребление слова *пыни* («Я, пыні, кажу табе!»)’ [Ю. В. 1923: 43]; польск. диал. *siercanie* ‘жители Подхале, историко-географической области в Южной Польше, за одежду *sieraka* ‘епанча с капюшоном’ [Rak 2015: 47]; словц. *rajčania* — *kožkári* <райчане — живодеры> ‘жители гор. Раец’, *žilinci* — *kapustniari* <жилинцы — капустники> ‘жители гор. Жилина’ [Záturecký 2005: 536] и мн. др. Жители одного и того же населенного пункта или местности могут получать целую серию прозвищ, характеризующих их с разных сторон: *белотельцы, белотелы, (ярославские) водохлабы, запевалы, конфетчики, красавцы, красавцы-белотелы, кукушкины детки, луковицы, луковцы, песенники, чистолюи* ‘жители Ярославля’ [Воронцова 2011: 441], *ацовань, (вятские) баламуты, (хлыновские) бояре, вани (ваньчэ, ваньчи), водохлабы, (вятская) ворона, (хлыновские) воры, вотяки, гадбы, гамаёны, (вятские) дули, клянчи, колдыки, лапотники, поросятники, (вятские) похлабы, роговьё, рожки (вятские), ротозеи, свиносавы, свистоплясы, синекосильники вятские, слепороды, толкноеды, толоконники (вятски), чалдоны* ‘жители Вятской губернии’ [Там же: 422] etc.

⁴ О жанре географических песен см. специальное исследование [Калуцков, Иванова 2006].

«Нулевая ступень» семантической деривации

Множественно фиксируются случаи, когда можно говорить о сформированном стереотипе жителя какого-либо места, в котором четко выделяются доминантные черты, но нет закрепления этих черт на системно-языковом уровне. Ср. размышления относительно стереотипов жителей разных районов Словакии: «Жители зоны Захорие (пояс от австрийской границы до Малых Карпат) считаются “простаками” — может быть, отчасти из-за “грубого” в акустическом плане диалекта; жители придунайской юго-западной Словакии (плодородная низменность в отличие от горных областей) — меркантильные спекулянты; население восточной Словакии любит выпить и т. д. Но все это остается только на уровне своеобразного “ментального познания”, а отражения в языке пока не находит — в отличие от известных лексикографически “паспортизированных” деэтнонимов типа *cigán* ‘нечестный человек’» [Л. Кралик, письменное сообщение].

Однако есть **языковые сигналы**, говорящие о том, что процесс семантической деривации стартовал, пройдена «нулевая ступень» этого процесса.

Такие сигналы бывают имплицитными. Скажем, в контексте катойконим может занимать семантически сильную позицию, свидетельствующую о том, что в его значении подспудно произошла своеобразная конденсация характеризующих смыслов. Показателен отрывок из романа Н. Абгарян «Манюня», где описывается ссора родителей глазами ребенка: «“*Кировобадацы!*” — орал папа в ответ. Когда папа называл маму “*кировобадацы*”, то всем становилось ясно — у папы закончились аргументы. Кировобад — это город, где жила семья моей мамы. В народе шла молва, что девушки из Кировобада славятся капризным, неуступчивым характером. Что они сильно избалованы и не видят ничего дальше своего носа. И что каши с ними не сварить. Поэтому, когда у папы заканчивались аргументы, он прибежал к жалкой попытке заткнуть маму. “*Кировобадацы!*” — грохотал он. “*Упрямый бердский осел*”, — крыла в ответ мама. Тот же народ нарек жителей нашего города ослами за жуткую неуступчивость». Другой пример из нашей полевой практики: жители куста деревень Великодворье в Тотемском р-не Вологодской обл. воспринимаются населением соседнего куста деревень Усть-Печеньга как недотепы, «пошехонцы». Рассказы об их оплошностях и чудачествах нередко кончаются словами «*Великодворяна, что с них взять!*» Сербы, ставшие беженцами из Лики (в Хорватии) в 90-е годы XX в., в качестве одобрения в адрес друга друга могут использовать возглас «*Ликота!*»: это слово — в отличие

от нейтрального обозначения личан по месту жительства — отражает автостереотип жителей Лики (здоровый, крепкий, щедрый человек, труженик) [сообщено Д. Мирич]. В подобных случаях слова типа *кировобадцы* или *ликота* имеют характеризующую контекстную семантику.

Сигналы приобретения катойконимом оценочной семантики могут быть и эксплицитными. На уровне лексической сочетаемости к этим сигналам относится способность катойконима сочетаться с характеризующими маркерами типа *настоящий*: рус. *настоящий пскович, уралец, вологжанин* (ср. многочисленные интернет-страницы, где перечислены, к примеру, 15 признаков *настоящего уральца*), чеш. морав. *praví hanáci* <настоящие ганаки — жители низины Гана> [ALJ], словен. *pristen Gorenjec* <настоящий горенец — житель Гореньского региона> [http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=gorenjec&hs=1] и др. Примерно те же смыслы носят сочетания с прилагательным *истинный*: «Через сорок минут он уже входил в мой номер — все такой же стройный, сухощавый, корректный, *истинный петербуржец*, почти не тронутый временем» <В. П. Катаев>; «... Колеса по этой (как всякий *истинный москвич*, своей Олег ее не чувствовал — и имел честность себе в этом признаваться) гигантской, бесформенной и “безвидной” стране <...> Олег регулярно и не без подспудного ужаса убеждался в страшной зыбкости всего здесь» <А. Гаррос, А. Евдокимов>. Прилагательное *коренной* при катойкониме может указывать не только на место рождения человека и его родителей, но и нести оценочный смысл: *коренной москвич* или *петербуржец* — это, как правило, интеллигент, хорошо знающий город etc.⁵ Интересно сочетание катойконима со словом *закоренелый*: иркут. *ангáрец* ‘коренной житель селения, расположенного на р. Ангаре’: «Он *закоренелый* был *ангарец*. С характером. Он обман не терпел, воровство» [СГБС 1: 342–343]. Возможны и другие маркеры, например: арх. «*Самые помористые* — мезенцы, приморяне (жители Приморского района) и онежане, до Холмогор — все поморы» <информант из поморской д. Патракеевка> [Дранникова 2017: 9], яросл. «*Такая вологодская черепанка — ой какая!*» <о жительнице Череповецкого р-на Вологодской обл.> [ЯОС 10: 53], польск. диал. *bardziyi Górálu, pół-Górálu, racyi nie-Górálu* <более чем гураль, половина гуралья, скорее не гураль> [Rak 2015: 50]. Оценка косвенно проявлена и в сочетаниях типа польск. *Warszawianka prosto od krowy*

⁵ Ср.: «Старшина ненавидел москвичей, одесситов и прочих интеллигентов в солдатской робе; те, по возможности, платили ему взаимностью» <А. Михайлов>.

<варшавянка прямо от коровы> (с комментарием: «только что приехала из деревни») [НКРР 3: 616].

Встречаются также фонетические, словообразовательные или лексические преобразования катойконима, которые имеют семантические последствия. К примеру, в сербском языке бытуют насмешливые фонетические варианты слов *београђанин* и *новосађанин*: в первом случае утрируются гласные *eo* и удлиняется *o*, во втором — удлиняются все гласные, что характерно для во-еводинских (лалинских) говоров [сообщено Д. Мирич]. Эти слова имитируют речь жителей гг. Белград и Нови Сад. На Русском Севере жителей Череповецкого р-на Вологодской обл. дразнят *цереповца́не*, изображая цоканье, свойственное их речи: «Цереповцане це же англичане, только наречие на це». При изображении говора жителей столицы в русском просторечии с гипертрофированным аканьем произносится слово *москвич*. Богаты словообразовательные возможности создания семантических приращений. Так, в польском языке есть слово *warszawka* — ‘пренебрежительно о жителях Варшавы как легкомысленных, несерьезных’ [SJPД 9: 851]. В говорах Подхале катойконим *góralusia* звучит одобрительно по отношению к гуралю, а *góralicha* — негативно [Rak 2015: 51]; в донских говорах слово *черкаса́* является пренебрежительным названием черкасских казаков [КСРНГ], а в костромских и нижегородских говорах *ветлуга́й* употребляется иронично по отношению к жителям бассейна Ветлуги [СРНГ 4: 195]. Особенно результативно эксплуатируется этот прием в том случае, если есть варианты катойконимы, один из которых нормативен. Так, для жителей Тамбова неприятен и едва ли не оскорбителен катойконим *тамбовцы* (а не *тамбовчане*), поскольку рифмуется со словом *овцы*, для жительницы Ярославля — вариант *ярославка* (а не *ярославна*), так как совпадает с обозначением породы коров, для жителей Каргополя — *каргополы* (а не *каргопольцы*), потому что используется в присловьях типа *каргополы – двери полы* [Ахметова 2015а: 28, 32, 35]. Что касается лексических преобразований, то в качестве примера можно привести рус. влг. *бандэровцы* ‘жители д. Байдарово Никольского р-на Вологодской обл.’ <прозваны за драчливость> [Воронцова 2014: 130] — результат притяжения *байдаровцы* ↔ *Бандера*.

Все перечисленные случаи показывают возможность обретения катойконимом не только относительной, но и характеризующей (в том числе оценочной) семантики. Однако в этих случаях нет изменения референциальной базы значения, для такого изменения только создаются предпосылки. Поэтому мы говорим о нулевой ступени семантической деривации.

Какие катойконимы получают коннотации? Взаимодействие коннотаций топонима и катойконима

Способности к семантической деривации обнаруживают главным образом те **названия жителей, которые образованы от макротопонимов** — обозначений столиц стран, крупных городов, значимых в экономическом и социокультурном смысле регионов (рус. *москвич, сибиряк*, польск. *mazur, warszawiak*). В семантике таких слов может быть обнаружен целый спектр коннотаций, ср., к примеру, языковой стереотип жителя Москвы в русских говорах: москвичу приписывается разговорчивость, умение хорошо и красиво говорить; бойкость, доходящая до плутовства; общая культура и знания; привычка красиво одеваться; высокое благосостояние; заносчивость и снобизм⁶; неспособность по-настоящему работать; пристрастие к чаю (ср. костр. *москвич* ‘тот, кто важничает, ведет себя заносчиво’, арх. *москвичка* ‘неженка, любительница «чистой» работы’, моск. *намосквичиться* ‘перенять манеры и ловкость москвичей’ и т. п. [Березович, Кривошапова 2015: 88–89]). Однако такие спектры выявляются достаточно редко; обычно представлены одна-две характерные черты. Скажем, жители болгарского города Габрово, ставшие персонажами многочисленных анекдотов, известны своей скупостью: болг. *габровец* разг. ‘чрезмерно бережливый человек, который во всем руководствуется мелочными интересами; скупердяй’ [<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/габровец/>]. Помимо скупости, габровцам приписывается драчливость: болг. диал. *правя си устата като габровец за бой (лобут, дрянова тояга)* (хотеть, «раскатать губы», как габровец хочет драки / побоев / терновой палки) ‘недвусмысленно и грубо намекать на то, что кто-л. чего-л. хочет’ [<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/габровец/>]. Аналогичная черта выделяется в языковом стереотипе *перничанина* (жителя болгарского гор. Перник), ср. ироничное выражение *кротък като перничанин* <тихий, мирный, как перничанин> [сообщено Г. Мишевым]. То же говорят о жителях сербского региона Срем: серб. воевод. *сремац* ‘задира, драчун’ (к тому же, как правило, любитель выпить); что касается жительницы Срема, то слово *сремлица* имеет производные значения ‘властная, решительная

⁶ Вообще, высокомерие нередко приписывается жителям столиц. К примеру, в болгарском языке слова *търновец* (разг. *търновля*) и *преславянин*, обозначающие, соответственно, жителей гор. Велико Тырново и Велики Преслав (которые были столицами Болгарского царства), приобрели вторичное значение ‘состоятельный и высокомерный человек’ [сообщено Л. Тодоровой и К. Колевой].

женщина', 'прилежная домохозяйка' [сообщено Д. Мирич]. *Сицкари* (< *ситскари*), живущие по р. Сить в Мологском уезде Ярославской губ. (преимущественно обрусевшие карелы), характеризуются так: яросл. *сицкаръ* 'о неловком, нерасторопном человеке' [ЯОС 9: 34].

Семантическая филиация катойконимов скорее ожидаема в тех зонах, где наблюдаются особо **резкие контрасты между жителями соседних населенных пунктов или регионов** (в плане этнической, конфессиональной принадлежности, материальной культуры, рода занятий, природных условий и проч.). Так, резко отличаются от русских (и православных) соседей по языку и вероисповеданию *тасимцы* — жители с. Тасимова (офиц. Кояново) Пермского р-на Пермского края, населенного башкирами, перешедшими на татарский язык, ср. перм. ильин. *тасимцами жить* 'жить, не соблюдая общепринятых обычаев': «Тасимцами-то мы сейчас живем, рождаются — не крестятся, помрут — не отпеты» [ФСПГ: 124]. Если говорить о макрорегионах, то «контрастным» является, например, Полесье — лежащая в центре Европы «окраина» нескольких стран (Белоруссии, Украины, Польши и России, а при более широком подходе — еще Латвии и Литвы), отсюда образ полешука в соответствующих языках (см. ниже).

При этом далеко не всегда причины появления коннотаций лежат на поверхности. К примеру, многолетняя полевая работа на территории вологодско-вятско-костромского пограничья показала нам, что слова *костромичи*, *вологжане* и *вятчане* асимметричны в плане коннотаций: первые два слова не обладают особой нагрузкой, в то время как *вятчане* дают развернутый коннотативный спектр (об этом слове см. в [Казакова 2011]). Иначе говоря, костромичи, к примеру, хранят в своем языковом сознании яркий образ жителя Вятки (производные от катойконима *вятчанин* и топонима *Вятка* дают представление о чертах внешнего облика вятчан, особенностях их речи, характере и поведении, а также о традиционной деятельности), но не имеют потребности закрепить в номинациях образ вологжанина. С чем это связано, если учесть, что эти области примерно «равновелики» в смысле своей географии, истории, экономики etc. (т. е. имеют, разумеется, отличия друг от друга, но, кажется, вполне «симметричные»)? На этот вопрос трудно предложить исчерпывающий ответ. Очевидно, язык сигнализирует нам о том, что постепенное накопление лингвистических и этнографических различий дает на Вятке определенный «взрыв». Подобные «взрывные» зоны могут быть большими и малыми, на них всегда указывает наивное языковое и культурное сознание соседей, ближних и дальних, ср. высказывание Д. Маркиша: «Родись Иуда Гросман, скажем, в Минске, никому и в голову не пришло бы об этом помнить: минчанин и минчанин. Одессит — дело другое; “одессит” выжжено на лбу, как тавро». Разобраться в «логике взрыва» (говоря словами Ю. М. Лотмана) — важная этнолингвистическая задача.

Взаимодействие коннотаций топонима и катойконима свидетельствует, в частности, о своеобразном **наложении стереотипов человека и места**. К примеру, в образе сибиряка, сложившемся в русском языке, «просвечивают» черты Сибири — огромной территории, места каторги и ссылки, где суровый климат и тяжелые условия жизни, требующие закалки и сытной, но неприхотливой пищи, ср., к примеру, простореч. *сибиряк* ‘выносливый, закаленный человек’, ворон. *сибиряк* ‘о грубом, дерзком человеке’ [СРНГ 37: 267], омск. *сибиряцкие щи* ‘густые щи с овощами и крупой’ [Там же], подробнее см. [Березович, Кривошапова 2011]. Суровость приписывается жителям и других территорий с холодным климатом, что отражено, например, в названии граненых стаканов «Суровый уралец», рекламируемых на многих Интернет-сайтах. Другие примеры: Париж красив, что передается парижанам (*Парижанин (Париж)* ‘житель д. Натальино’: «Красивый парень, что твой Париж» [Костр: Буй]); Кубань плодородна, значит, ее жители способны добиваться хороших урожаев (*кубанцы* ‘жители д. Труново’: «Нашу деревню называли кубанцы — усадьбы хорошие, и всё росло, как на Кубани» [Влг: В-Важ]); Чухлома и Тюмень — далекая провинция, что определяет невысокий культурно-интеллектуальный облик жителей (литер. *чухломá* ‘провинциал; недалекий, отсталый человек’; собир. ‘провинциалы, отсталая масса людей’ [Отин 2004: 385–386], жарг. *тюмень* ‘провинциал; недалекий, некультурный человек’ [Там же: 334], ср. также жарг. *Ванька из Криворожья* ‘провинциал’ [Там же: 204]).

Если говорить о номинативной стороне дела, то наиболее типична ситуация, когда коннотация топонима проецируется в коннотативный спектр катойконима (а не наоборот): например, сема удаленности, присутствующая в семантике топонима *Камчатка*, «проникает» в значение катойконима *камчадал* — ‘шутливое название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах’ [ССРЛЯ 5: 739]. Не случайно Е.С. Отин, анализируя коннотативные значения слов *пошехонцы* и *Пошехонье*, пишет: «Перед нами, вероятно, нетипичный случай: пейоративная коннотация оттопонимного именованя (катойконима) семантически обогатила хороним *Пошехонье*: это место, где живут *пошехонцы* ‘тупые, беспросветно отсталые, захолустные обыватели, совершающие анекдотические глупости’» [Отин 2004: 286–289]⁷. Наши наблюдения подтверждают этот вывод. К числу

⁷ Кстати, во многих краях и областях есть свои «пошехонцы». К примеру, в Карелии знамениты *киндасовцы* (жители дер. Киндасово Пряжинского района): они мастерили себе берестяные крылья, чтоб взлететь, били лошадь, чтоб она сама себя запрягла, носили ложкой масло из амбара в избу и проч. [<https://gov.karelia.ru/Regions/Praja/h2o.html>; <https://gazeta-licey.ru/bloglicey/6272-byli-nebyliczy-skazki-anekdoty>].

редких случаев «возвратного», «бриколажного» наделения топонима коннотациями, которые изначально присущи катойкониму, можно отнести еще пару *Ташкент* — *ташкентцы*. У слова *ташкентцы* (во многом благодаря Салтыкову-Щедрину) в русском языке конца XIX–XX вв. была производная семантика ‘коррупционеры, рвачи, крупные и мелкие хищники, примазавшиеся к «казенному пирогу»’, отсюда *Ташкент* получил «отраженное» значение ‘место, где царит произвол, куда едут насыщаться и богатеть’ (о судьбе этой метафоры см. в [Шафранская 2014]).

Взаимодействие топонимической и катойконимической семантики диктует ситуацию, когда типичный перенос «столица → вся страна (государство)» влечет за собой **перенос «жители столицы → население страны»**. Так, во многих языках Евразии обозначение Москвы порождает не только название жителя столицы России, но и лексему с семантикой ‘россиянин’, ср. болг. *московец*, блр. *москва*, итал. *moscovita*, тур. *Moskof* и т. п.; особенно яркий пример — слово *москаль* и его соответствия в других языках (рус., укр. *москаль*, блр. *маскаль*, болг. *москал*, польск., чеш. *moskal*, румын. *muscal* и др.) ‘житель Москвы и России’ (подробнее см. [Березович, Кривошапова 2015: 87–88]), при своем дальнейшем семантическом развитии «москаль» ведет себя как этноним (см. следующий раздел настоящей статьи).

Семантический параллелизм катойконимических и этнонимических производных

Дериваты этнонимов и катойконимов обнаруживают сходные закономерности смыслового развития (что вполне ожидаемо). Интересно, что сходство проявляется не только в общих направлениях такого развития, не только в идеографических сферах принимающей семантики (характеристики речи, интеллекта, бытовые привычки etc.), но и в конкретных значениях, в которых обе разновидности дериватов выступают семантико-мотивационными параллелями по отношению друг к другу.

Так, в ряде случаев в основе смыслового развития лежат этнографические особенности, характеризующие материальную культуру жителей того или иного региона или страны. Допустим, есть ряд наречий, характеризующих способ повязывания женских головных платков. Некоторые из них производны от катойконимов: рус. влг. *питеря́нкой*, *питеря́ночкой* (*завязать*) ‘о способе ношения платка (узел завязывается на затылке)’: «Питеряночкой платок завязала. Из города питерянки приезжали, дак и носили» [КСГРС], влг. тотем. *кокши́ркой* ‘то же’: «Старушки раньше всё носили концами

вперёд платки-те. Кто помоложе — стали кокшаркой носить, концами назад» [Там же] <кокш^арка — жительница бас. р. Кокшеньга>, ср. также польск. диал. *po krakowsku* 'о способе завязывания платка сзади, на затылке, известном перед Первой мировой войной' [Турга 2016а]. Подобные образования могут быть и отэтнонимическими: рус. забайк. *калмычкой* 'о способе повязывания платка или шали в виде кички' [СГСЗ: 190], р. Урал *татарочкой* 'по-татарски': «Повязалась — поперед конечики, а мне жарко, я повязалась назад — татарочкой» [Малеча 4: 240].

Смысловое родство обнаруживается и в дериватах, отражающих представления о чертах характера и особенностях поведения людей. Так, региональное (национальное) «обличье» приписывается скупцам. Как уже упоминалось выше, своей скупостью известны болгарские габровцы. Жадность в Болгарии приписывается также, к примеру, жителям с. Розово Пазарджикской обл.: болг. *розовец* 'жадный и хитрый человек' [сообщено Г. Мишевым]. Сербы считают скупыми жителей Пиротского округа: серб. *пироћанац* 'скупой человек' [сообщено М. Белетич]; словенцы — население Гореньского региона в Верхней Крайне, ср. словен. разг. *gorenc* (литер. *gorenjec*) 'то же' [сообщено С. Торкаром]. Скупость приписывается и жителям Жемайтии (историческое русское название *Жмудь*) — региона на северо-западе современной Литвы; ср. рус. пск. *жмуйда*, смол. *жмудяга* 'скупой человек, скряга', сарат. *жмуди* 'скупые люди, скряги', ряз., тамб. *жмуть* 'тот, кто притесняет, обижает кого-либо, жмот' (об этих словах и о роли процессов аттракции в формировании стереотипов о скупости жемайтов подробнее см. в [Березович 2007: 462]). В среднерусских и севернорусских говорах (а также в дочерних говорах Урала и Сибири) известны подобные коннотации у лексемы *керж^ак* – 'скупой человек, скряга' [СРНГ 13: 186] (появившейся через промежуточное звено — устар. обл. *керж^ак* 'старообрядец', см. выше). Что касается собственно этнических стереотипов, то широкой известностью обладают образы скупого шотландца, еврея и проч. (подробнее о скупых инородцах см. в [Березович 2007: 410–411]; там же приводится пример из исследования К. Мюллера об этнонимических дериватах в романских языках, где указаны следующие этнонимические основы, кроме «еврея» и «шотландца», на базе которых образуются романские названия скупцов: «американец», «араб», «житель Оверни (провинция во Франции)», «болгарин», «англичанин», «галисиец», «генуэзец», «грек», «итальянец», «кафр (представитель одного из племен банту)», «каталонец», «мавр», «негр», «тосканец», «турок», «ханаанец», «цыган», «зулу»).

Фиксируется также остроумная номинативная модель, в рамках которой погодные катаклизмы интерпретируются как некие

«картинки», действия или события, героями которых становятся жители тех регионов, откуда надвигается метель, дует ветер и проч. Допустим, костромичи шутят, что туман — это дым от бань, которые топят на соседней Вятке (костр. *вятские баню топят* ‘о тумане’ [ЛКТЭ]); пермяки считают, что жители Чердынского р-на (на крайнем севере Пермского края) могут «запирать» или «отпирать» холодный ветер (перм. «Сивер подул — видно *чердики ворота растворили*» [СРНГ 37: 269]), свердловчане приписывают аналогичные способности самим пермякам (свердл. *пермяки поехали* ‘о ветре, несущем дождь’ [записано автором статьи], а жители деревень в Архангельской и Костромской областях — своим соседям (арх. холмогор. *хавгóra вениками замахали* ‘о ветре южного направления, дующем со стороны д. Хавгора’ [КСГРС] <*хавгóra* — жители д. Хавгорá>, костр. *вохом. артюжáтами запахло* ‘о северном ветре’ [ЛКТЭ] <*артюжáта* — жители одноименной деревни>); жители окрестностей Котбуса в Нижней Лужице связывают движение туч с настроением будышинцев из Верхней Лужицы (н.-луж. *budycharé se smeju* (жители Будышина смеются) ‘прояснение неба’ [Кондратенко 2000: 101]) и т. п. Есть подобные фразеологизмы и с участием этнонимов, ср. польск. *cygany (cygani) idą (jada)* ‘о надвигающихся грозových тучах’ [SGP IV/3: 577], кашуб. *švèzè melò krèpè* <шведы крупу мелют> ‘идет мелкий сухой снег’, *švejðè jadu* <шведы едут> ‘собирается дождь’, *švejðè uiz uèzi (zbuèjèze)* ‘о дожде, который пошел в то время, когда вывозили хлеб’, *švejðè uż vejvòuzlè* ‘хлеб уже вымок’, *švèzè skubò gàsè* <шведы гусей щиплют> ‘снег падает крупными хлопьями’ [Sychta 5: 311] и др.

В ряде случаев катойконимические дериваты отражают не индивидуализированные представления о соседях или жителях каких-либо удаленных территорий, а такие, которые могут быть приписаны любым чужакам. Тем самым они сближаются с *ксенонимами*, если понимать под последними слова и выражения, воплощающие в своей внутренней форме **обобщенные** представления о чужом [Березович 2007: 407]. Так, катойконимы и этнонимы функционируют в обозначениях неприятных физиологических состояний, ср., к примеру, номинации *menses* с внутренней формой «чужаки = неприятные гости приехали»: польск. диал. *krakusy* <жители Кракова> *pszyjechały* [Турра 2016а], рус. костр. *вётчана* <жители Вятки> *приехали* [ЛКТЭ], перм. *вятские приехали* [СПГ 1: 154]; в подобных случаях к французам «приезжают» англичане, ср. *débarquement des anglais* <высадка английского десанта> ‘*menses*’, а к испанцам — готы: *godo* <гот> ‘то же’ [Березович 2007: 442].

Ксеномотивация представлена также в обозначениях воробья: польск. *mazurek* [SW 8: 732], бучач. *madzur* [Турра 2006: 188], укр. надднестр. *mázur* [Шило 2008: 165], блр. *мазурак* [ЖС: 41], польск.

żydek [SW 8: 732], укр. полес. *жид*, *жидок* [Аркушин 1: 155], блр. диал. *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* [ЖС: 41], рус. пск. *еврей*, ростов. *хохол*, пенз. *чалдон* [Гришанова 2015: 182]. Мотивировка проясняется в укр. «Воробці то так як мазури, що в чуже гніздо лізуть» (намек на мазурскую колонизацию в Восточной Галиции) [ГРП 1: 258]; в ряде случаев в представленном выше ряду фигурируют названия полевого воробья, известного тем, что он ворует зерно. Понятно, что способность «налетать» на чужое приписывается практически любым инородцам.

Другой пример ксенонимов — обозначения гриба подосиновика: чеш. морав. *hanák* <житель Ганы> [Bartoš 1906: 90], диал. *sikán*, *němeček* [ALJ], польск. диал. *moskalik* [Тугра 2011: 109], блр. диал. *маскаль* ‘подосиновик’ [ЭСБМ 6: 246], серб. диал. *турчин* [Симоновић 1959: 73]; ср. также чеш. диал. *kozak* [ALJ], серб. *козак* [Симоновић 1959: 73], блр. диал. *паніч* ‘то же’ [РасС: 277]. Очевидно, для реализации представлений о благородном ценном грибе с красной шляпкой привлекается образ успешного, богатого, молодцевато выглядящего чужака; возможно, значим здесь и красный цвет головного убора.

Граница между обобщенной ксеномотивацией и мотивацией, отражающей конкретные свойства какого-либо народа или территориальной группы, является нежесткой. Скорее, есть смысл говорить о шкале: лексические единицы, представленные на ней, имеют разное сочетание обобщающих и индивидуализирующих мотивационных признаков. Скажем, даже по отношению к словам со значением ‘скупец’ трудно сказать, какого рода мотивировка здесь представлена: с одной стороны, свойство скупости обычно приписывается тем, кто имеет хорошее (или, наоборот, плохое) материальное положение (по сравнению с окружающими), занимается торговлей, предпринимательством и проч.; с другой стороны, в скупости могут обвиняться едва ли не все этнические или региональные соседи.

Своеобразие катойконимических дериватов в сравнении с этнонимическими

При всем сходстве семантического развития на основе катойконимов и этнонимов в том и другом случае есть свои акценты.

Различия проявляются главным образом в **идеографических сферах принимающей семантики**. Не имея возможности в небольшой статье перечислить все сферы, назовем лишь некоторые характерные.

Вполне естественно, что катойконимические производные делают акцент на социально-экономических характеристиках жителей тех или

иных регионов. Соответствующие лексемы сначала метонимически означают выходца из какой-либо местности, являющегося, к примеру, носителем определенной профессии или рода занятий; затем происходит расширение значения (любой профессионал в этой области). Разумеется, образования с подобной семантикой есть и на основе этнонимов (ср. хотя бы слово *швейцар*), однако катойконимическим дериватам они свойственны в большей степени. Такие слова особенно характерны для языка столиц и крупных городов, куда отовсюду приезжают на заработки. Так, в языке дореволюционной Москвы *кимряками* назывались сапожники (изначально это приезжие из Кимр, а затем слово *кимряк*, по мнению И. Кокорева, стало употребляться в общем метонимическом смысле ‘сапожник’), а *ярославцами* — трактирные половые, официанты [ЯСМ: 250, 704]; в языке Петербурга (а затем и близких северных и северо-западных говорах) отмечалось слово *копóрка* новг., петерб., пск., арх, влг. ‘женщина, нанимавшаяся работать на огородах; поденщица’: «Копорки — это девки под Ленинградом на огородах только работали» (новг.) [СРНГ 14: 293; ПОС 15: 211; НОС 4: 106], образованное от названия села Копорье вблизи Петербурга; в Нижнем Новгороде и окрестностях бытовало название официанта *любимовец* — по топониму *Любим* (в бывш. Костром. губ.), «потому что у жителей этого местечка был широко распространен данный вид заработка» [Фасмер 2: 544].

Среди слов такого рода особо заметны две группы. Во-первых, наименования торговцев, купцов: без уд. петерб., сиб. *суздак*, нвсиб., перм., иркут. *сузда́л* ‘выходец из Суздальского уезда, часто работавший развозным торговцем мелких товаров’, ‘так в Сибири называется *суздалец*; один из так называемых суздаков или вязниковцев (т. е. торговцев, разъезжающих с товаром)’, иркут. *сузда́ла* ‘торговцы-разносчики мелких товаров из южных губерний России’ [СРНГ 42: 184–185], *буха́рец*⁸ литер. устар. ‘странствующий торговец, продающий бухарские товары’ [ССРЛЯ 1: 711], влг. ‘коробейник’: «Приедут бухарцы с красным товаром, с матерьялом, откуль он — бог знает» [СГРС 1: 235], старорус. *сурожа́не* ‘высший разряд московского купечества в XIV–XVIII вв.’ [Мгеладзе, Колесников 1965: 57] <от *Сурож* (совр. *Судак*) — порт, через который велась торговля с Византией, затем с Турцией и др.>. Подобные слова могут давать развитие значений: карел. *вытего́р* ‘тот, кто извлекает прибыль, продавая что-н. дорого’ [СРГК 1: 302], орл. *су́здыль* ‘пьяница’ [ССГ 10: 140], *хлы́новец* ‘барышник (первоначально о выходеце из г. Хлынова — старое название Вятки); плут, мошенник’ [ССРЛЯ 17: 223] etc.

⁸ Слово *бухарец* в этом значении, по всей видимости, образовано не столько от *бухарец* ‘житель Бухары’, сколько от *Бухара*, *бухарский (товар)*.

Во-вторых, значительная группа составлена обозначениями наемных работников. Для носителей севернорусских говоров это в первую очередь многочисленные наемники, трудившиеся в Петербурге: севернорус. *пи(е)тенбу́р*, собир. *пе(и)тенбу́ра*, арх. *петербуржец*, яросл. *питерцик*, *питерянец*, костр. *питерцик*, устар., прост. *питерец*, *питерцик*, разг. *питеряк*, арх. *петенбу́ры* и др. (при этом питерские отходники могли характеризоваться с разных позиций: со стороны своих односельчан и самих петербуржцев, привыкавших к новому соседству) [Кривошапова 2012: 110]. Такие слова нередко расширяли значение, «отрываясь» от рабочих в Петербурге, ср. влг. *пíтерец* ‘бродяга’ [СРГК 4: 521]. Аналогичное развитие значений наблюдается у слов, обозначающих наемников, пришедших с берегов вологодской р. Кокшеньга и архангельской р. Вага: влг. *кокшарá*, *кокшары́ собира́т. пренебр.* ‘наемные рабочие из других областей’ [СГРС 5: 235], влг. тотем. *кокшáр* ‘бродяга, попрошайка’: «Кокшары с котомками ходили, попрошайничали», «Кокшары через Тотьму шли, у кого чего попросят, люди им подавали» [КСГРС]; арх. прим. *вага́н* ‘приезжий наемный работник’ [АОС 5: 22], влг. тарн. *вага́н* ‘бродяга, попрошайка’ [КСГРС]. Последнее слово, вероятно, является гетерогенным по происхождению: помимо вклада со стороны оттопонимического *ваган*, нельзя отрицать и возможную связь с польск. *wagant* ‘бродяга’ (далее к лат. *vagāns*) [Аникин РЭС 5: 313–314]. Ср. также инославянский материал: польск. варм. *westfalaki* ‘люди, работающие далеко от дома’ [Тугра 2011: 175] <Вестфалия — область на западе Германии, куда жители Вармии и Мазур ездили работать в шахтах>.

Выявление различных идеографических групп может оказать помощь при **семантической реконструкции темных наименований**, поскольку даст в наше распоряжение семантические параллели, нужные для реконструкции. Скажем, выше уже приводились примеры названий групп старообрядцев по месту первоначального проживания (в том числе в бассейнах рек): *кержсаки*, *бухтарминцы*, *ветчана*. Факты такого рода служат аргументом в пользу «географической» мотивации для такого названия старообрядцев Забайкалья, как *семейские*, которое является спорным в этимологическом отношении. Наиболее распространена версия, согласно которой оно образовано от *семья* (приезжали в Сибирь семьями), причем это специально *ad hoc* образованное слово, чтобы отличить от ожидаемого *семейные*. Однако есть гипотеза А. М. Селищева, связывающая *семейских* с р. *Сейм* в Курской губ., которая имеет диалектное название *Семь* (с формами *на Сями, за Семью*); затем могло произойти народно-этимологическое притяжение к *семья* (изложение версий см. в [Юмсунова 2005: 18–19]). Хочется поддержать именно эту версию, поскольку, повторим, есть «локативная» модель номинации старообрядцев. Дополнительные

аргументы в пользу указанной версии: семьями переселялись далеко не только семейские; в говорах Забайкалья присутствуют другие однокоренные обозначения *семейских*, дальше отстоящие от *семья* (например, собир. *семежьга*, жен. *семесяха* [СГСЗ: 424]); большинство фонетических и грамматических черт говоров семейских свойственно также говорам юго-западной диалектной зоны (о диалектных чертах см. в [Юмсунова 2005: 232]), куда входит курское наречие.

Вот еще один пример, связанный со словами, имеющими предположительно «старообрядческую» этимологию. В [СРНГ 25: 82] отмечено темное слово *ошевень* (без уд.), встречающееся в текстах Барсова в значении ‘человек, уклоняющийся от воинской службы’ (?): «Глядят: и ошевень дома — Алексей. И с сыном Петром, которого нужно было на военную службу взять». Есть и другие сходные по форме и значению негативные характеристики человека: влг. череп. *ошевэня* ‘неуклюжий, медлительный человек’ [СРГК 4: 357], ‘неловкий, неуклюжий человек’ [СРНГ 25: 82]. Можно предположить, что эти слова связаны с катойконимами *ошевэ́нцы*, *ошевэ́ни*, называющими жителей куста деревень Ошевенье (в Каргопольском р-не Архангельской обл.), который находится недалеко от Череповецкого р-на Вологодской обл., где записано слово *ошевэ́ня*. В Ошевенье расположен известный Ошевенский монастырь (офиц. Успенский Александро-Ошевенский монастырь), до сих пор действующий. Жители Ошевенья слывут «церковниками» и староверами, что показывают их прозвища: *богомольнички*, *монахи*, *кадилы*, *староверы* [Воронцова 2011: 398]. Исполнителям причитаний из сборника Барсова Ошевенский монастырь был известен, что доказывает контекст *Доходы Ошевенски, а расходы Соловецки* с пометой «Барсов» [СРНГ 25: 82]. В СРНГ этот контекст дается с вопросом к значению слова *ошевенский*. Кажется, вопрос можно снять: понятно, что Ошевенский монастырь имел куда меньше доходов, чем Соловецкий, знаменитый своим богатством. Что касается характеристик человека, то они прочитываются из первоначального значения *‘монахи и староверы Ошевенья’: выходцы из староверов уклонялись от военной службы, воспринимались как «чужие» — и соответствующие слова вполне могли приобретать негативные значения.

Отличие катойконических дериватов от этнонимических состоит не только в сферах развития значения, но и в **характере мотивационных признаков**, положенных в основу семантического переноса. Так, для этнонимических дериватов не свойственна, кажется, мотивация, апеллирующая к событиям, связываемым с какой-либо группой людей. Однако такая мотивация встречается у семантических производных от названий жителей. Например, в русском языке конца XIX–XX в. фиксировалось слово *охотнорядец*

‘о крайнем черносотенце, погромщике’ [ССРЛЯ 8: 1768], образованное от названия торговцев Охотного ряда (где продавали дичь и живую птицу) в Москве, принимавших деятельное участие в погромах, которые организовывались полицией, преимущественно в разгроме студенческих сходок и демонстраций. Мотивационное сходство с *охотнорядцем* обнаруживает польск. *kielczanin*, который тоже воспринимается как погромщик и ксенофоб [Marczewska 2007], поскольку в городе Кельце в 1946 г. произошел самый крупный в Польше послевоенный еврейский погром. Событийная мотивация «стирается» в целом быстрее, чем другие типы мотивировок (поскольку память о событии может оказаться менее долговечной, чем представления о каких-то качественных свойствах группы людей), и чаще подвергается переосмыслениям: так, погромы более чем столетней давности забылись — и слово *охотнорядец* в русском языке конца 90-х годов XX в. — начала XXI в. обозначает уже депутата Государственной Думы (по месту расположения здания Думы) [<http://politike.ru/termin/ohotnorjadcy.html>]⁹.

Лингвопрагматика катойконимических дериватов

В семантике оттопонимических наименований жителей может быть отражена точка зрения говорящего, что позволяет изучать их с позиций лингвопрагматики. Наиболее простое и очевидное отражение позиции говорящего состоит в том, что по катойконимическому деривату можно определить «радиус актуальности» того или иного регионального стереотипа. Допустим, в чеш. *lišeňka* ‘о бойкой, драчливой женщине’, ‘о той, кто всюду лезет вперед, протискивается’, ‘о непоседе’ [сообщено И. Янышковой, Ст. Клоферовой], *má hubu proříznutou jak lišeňka* <имеет прорезанный рот, как у лишенки> ‘о том, кто много болтает, не лезет за словом в карман’ [сообщено Х. Карликовой] отражены представления о жительницах местечка Лишен, которые занимаются торговлей. Оно является пригородом Брно, поэтому образ лишенки актуален именно для брненцев.

Довольно часто дериваты от одного и того же катойконима транслируют несколько точек зрения. Так, производные от обозначения сибиряка в русском и инославянских языках обнаруживают следующие позиции: 1) внутреннюю точку зрения жителей данного региона (забайк. *сибиряк* ‘православный старожил Сибири, не старообрядец — в отличие от семейских старообрядцев’); 2) точку зрения жителей страны, в которой находится регион, но проживающих

⁹ Возможно, «старое» значение при этом негативно влияет на «новое».

за его пределами, которая может быть как внешней (ср.-урал. *сибиряк* ‘старообрядец’), так и внутренней, точнее, совпадающей с внутренней (ворон. *сибиряк* ‘о крепком, здоровом, закаленном человеке’); 3) внешнюю точку зрения, принадлежащую жителям других (преимущественно соседних) стран, ср. польск. *sybirak* ‘заключенный или бывший заключенный, высланный на восток Советского Союза, часто в Сибирь’¹⁰ (см. об этом в [Березович, Кривошапова 2011]).

Внутренняя точка зрения отражает автостереотип, который включает в себя как объективно-нейтральные черты, так и поданные оценочно, причем оценка, как правило, мелиоративна (ср., к примеру, перм. *уралка* ‘бойкий, подвижный человек’: «Внук-то у меня уж больно хорош — уралка» [СПГ 2: 479]). Во внешнем стереотипе может измениться как набор черт, так и полюс оценки, при этом степень ее негативности и мера удаления от той зоны, которая обозначена исходным катойконимом, не связаны напрямую (как может показаться на первый взгляд). Нередко ближние соседи дают более негативные оценки, чем дальние. Показательна логика формирования стереотипа одессита. Автостереотип, разумеется, положителен, он включает в себя обширный комплекс свойств, некоторые из них названы в известной песне «Мишка-одессит»: «Ты одессит, Мишка, а это значит, Что не страшны тебе ни горе, ни беда! Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет, И не теряет бодрость духа никогда!» (автор текста, В. Дыховичный, хоть и не был одесситом, транслирует здесь внутреннюю точку зрения жителей Одессы). Ближние соседи (например жители Одесской области) полагают, что одесситы, помимо всего прочего, любят «понтоваться»: простореч. *понтуется, как одессит* [сообщено В. Б. Фридлиндером]. Ср. более развернутую характеристику: «Одесситов в позднесоветские годы окрестные жители считали хитрыми, кручеными, пройдошливыми, скользкими, торгашами, “понтовиками”» [сообщено А. В. Юдиным]. В более широкий «соседский» стереотип одессита входит и такая черта, как еврейство, что проявляется в представлениях о внешнем виде, роде деятельности, языке и др., ср. просторечное слово *одессити* (< *Одесса* + *идити*), которое используется для обозначения «одесского языка», изображаемого во множестве анекдотов (еще один языковой сигнал «еврейскости» состоит в том, что практически во всех анекдотах про одесситов героями являются *Рабинович, Циля, Фима, Моня, Сарочка, Роза Абрамовна* и проч.). В дальнем стереотипе одессита (преимущественно российском) на первый план

¹⁰ Здесь перед нами скорее не дериват катойконима, а производное от топонима *Sybir* (но «подстроенное» под слово *сибиряк* по форме).

выходят такие черты, как чувство юмора и остроумие. Этот стереотип несомненно позитивный, он существует в сознании как носителей городской культуры (для которых одесситы — Бабель, Ильф и Петров, Жванецкий, Карцев, команда КВН и т. п.), так и деревенской, ср. прозвище *Одесса (Одессит)* ‘житель д. Погорелово’: «Веселый, остроумный был, приврать любил» [Влг: Влгд]. Разумеется, структура языкового стереотипа одессита многократно сложнее и тоньше; нам было важно лишь проиллюстрировать непрямой характер зависимости между удаленностью оценивающего взгляда и полюсом оценки.

Полифония точек зрения, отраженных в стереотипе, зависит, конечно, от степени его известности, а также от «разноликости» возможных субъектов оценки. К примеру, в своем роде уникален образ полешука, поскольку Полесье, как говорилось выше, находится на территории нескольких стран, что предопределяет разнообразие оценивающих взглядов. Есть знаменитый анекдот про полешука из Пинского уезда, многократно цитировавшийся этнографами и фольклористами: блр. «“А скуль чалавек?” — “Я не чалавек, я *пінчук*”. І таму называюць іх пінчукамі, а не людзьмі» (цит. по: [Энгелькінг 2017: 150]). Внутреннее объяснение слов пинчука таково: «Простой народ называет обыкновенно свое сословие в Белоруссии “людзе” или “людзи”, но сердятся, когда его назовут в единственном числе “человек”, как в Великороссии, где это кличка прислуги <...> Белорусский крестьянин не выносит высокомерного обращения с собою» [Савич-Заблоцкий 1892: 1457]. Таким образом, с внутренней точки зрения пинчук (и полешук) имеет самоуважение и чувство собственного достоинства, ср.: «Сям-там пападаліся тыповыя постаці *палешукоў* і *палешучак*, надзвычай паважных і нават гордых, бо яны так зняважліва паглядалі на ўсё, што не было палешуком...» <Я. Колас>. С внешних позиций (например, в наивном сознании поляков) те же слова пинчука трактуются иначе: пинчук (полешук) — болотный «недочеловек», имеющий едва ли не звериные и демонические черты (см. об этом в [Энгелькінг 2017: 156–160]). Для орловских крестьян полешук — недотепа, ср. орл. *полéха* ‘о необразованном, невежественном человеке’ [СОГ 10: 102] etc.

* * *

Данная статья только открывает тему, связанную с изучением коннотаций катойконимов. Этот материал крайне важен для понимания логики наивного конструирования так называемой локальной идентичности, являющейся одним из важнейших способов человеческого самоопределения. Особенно актуальны поиски локальной идентичности у славян в последние десятилетия —

в эпоху перекраивания государственных и административных границ (яркий пример — приводившееся выше серб. *ликота*, используемое сербскими беженцами из Лики как знак одобрения, за которым стоит чувство группового единения; по сути, это слово исполняет ту же роль, что имя жителя в знаменитом «Ты одессит, Мишка...»). Несомненно, наибольший простор для смысловой эволюции катойконимы получают в такой языковой стихии, как народные говоры: для носителей диалектов территориальные группировки являются одновременно важнейшими социальными объединениями; представления о них включены в систему инструментов общественного познания.

В языковой системе изучаемые дериваты кажутся маргинальными. Это происходит из-за их «сомнительного» положения на оси «имя нарицательное» — «имя собственное», а вследствие этого — крайне низкой степени фиксации материала в толковых словарях. Думается, что языковой статус изучаемых лексических единиц не должен вызывать сомнений: сдвиг в референциальной отнесенности делает слово деонимом, включая его в класс апеллятивной лексики; в случае, когда деонимизация еще не произошла, перед нами имя собственное с коннотативной семантикой. Как бы ни определялся этот статус, данная лексическая группа отнюдь не маргинальна в языковой системе и должна стать объектом лексикографического описания.

Важно осуществить возможно полную идеографическую интерпретацию материала. В этом случае мы получим важное подспорье для этимологических занятий: из-за неизученности материала и его низкой «предсказуемости» (как части лексической системы) катойконимические дериваты крайне редко становятся аргументами в этимологическом споре, что приводит к ошибочным толкованиям.

Литература

- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.
- Аркушин — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- Ахметова 2015а — *Ахметова М. В.* «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. Т. 1. 2015. С. 21–41.
- Ахметова 2015б — *Ахметова М. В.* От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М., 2015.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.

- Березович 2012 — *Березович Е. Л.* Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / Отв. ред. проф. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 25–52.
- Березович 2014 — *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Березович, Кривошапова 2011 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 110–157.
- Березович, Кривошапова 2015 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // *Slavia*. 2015. № 1 (84). S. 82–94.
- Березович, Кучко 2017 — *Березович Е. Л., Кучко В. С.* Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа *мазура* в славянских традициях) // *Slovĕne*. 2017. № 1. С. 413–448.
- Варбот 2015 — *Варбот Ж. Ж.* Уже не гапаксы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 48–51.
- Воронцова 2011 — *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.
- Воронцова 2014 — *Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища жителей восточного вологодско-костромского пограничья: материалы к словарю // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 128–149.
- Гринченко — Словарь украинского языка / Сост. Б. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гришанова 2015 — *Гришанова В. Н.* Номинации воробья как отражение мировосприятия носителей говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2015. СПб., 2015. С. 178–183.
- ГРП — Галицько-руські приповідки: У 3-х т. / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Львів, 2006. 2-е вид.
- Даль ПРН₂ — Пословицы русского народа / Сб. В. Даля. М., 1993. Т. 1–3.
- Дранникова 2017 — *Дранникова Н. В.* «Патракеевка — поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 5–23.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.
- ЖС — Жывёльны свет: Тэматычны слоўнік. Мінск, 1999.
- Казакова 2011 — *Казакова Е. Д.* *Вятка* и *вятчане* в русской языковой традиции // Вопр. ономастики. 2011. № 2 (11). С. 19–50.
- Калуцков, Иванова 2006 — *Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
- Кондратенко 2000 — *Кондратенко М.* Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений. München, 2000.
- Кривошапова 2012 — *Кривошапова Ю. А.* *Питер* в русской народной языковой традиции // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 104–113.

- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЛ — *Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Лексикон львівський поважно і на жарг. Львів, 2009.
- Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
- Мгеладзе, Колесников 1965 — *Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П.* Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси, 1965.
- НОС — Новгородский областной словарь: в 12-и вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995.
- Отин 2004 — *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- РасС — *Расліны свет. Тэматычны слоўнік.* Мінск, 2001.
- РСЈ — *Речник српскога језика / Уред. М. Николић.* Нови Сад, 2007.
- Савич-Заблоцкий 1892 — *Савич-Заблоцкий В. К.* Счастливейшая Марыся // Благовест. 1892. С. 1457–1458.
- СВоронГ — Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- СГБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб., 2007–2008. Т. 1–4; Иркутск, 2010–. Т. 5–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011–. Вып. 1–.
- Симоновић 1959 — *Симоновић Д.* Ботанички речник: Имена бильака. Београд, 1959.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.
- СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-и вып. / Отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л., 1948–1965.
- Сурикова 2016 — *Сурикова О. Д.* О нетривиальной семантике русских слов с приставкой *без-* // Русский язык в научном освещении. № 1 (31). 2016. С. 130–157.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- ФСПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / Сост. К. Н. Прокошева. Пермь, 2002.
- Шафранская 2014 — *Шафранская Э. Ф.* Резонансный контекст одной щедринской метафоры // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 78–92.
- Шило 2008 — *Шило Г. Ф.* Наддністрянський регіональний словник. Львів, 2008 (Серія «Діалектологічна скриня»).
- Энгелькінг 2017 — *Энгелькінг Г.* «Паляшук» у нарадазнаўчым дыскурсе. Эскіз да партрэта паводле Ludu Кольберга // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2017. С. 150–163.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун, Мінск, 1978–. Т. 1–.
- Юмсунова 2005 — *Юмсунова Т. Б.* Язык старообрядцев — семейских Забайкалья. М., 2005.
- Ю. В. 1923 — *Ю. В.* Народны падзел між беларусамі // Крывіч (Коўна). 1923. № 1. Чэрвень. С. 42–43.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-и вып. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- ЯСМ — *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. 2-е изд., испр. М., 2004.
- ALJ — Archiv lidového jazyka českého uložený v dialektologickém oddělení ÚJČ v Brně.
- Bartoš — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2.
- Grybosiowa 1997 — *Grybosiowa A.* Językowo-kulturowy wizerunek Ślązaka na tle wizerunku obu sąsiadów // Poliszczyzna śląska. Historia i współczesność / Red. B. Wyderka. Opole, 1997. S. 83–90.
- JWP — Język. Wartości. Polityka: Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych / Pod red. E. Bartmińskiego. Lublin, 2006.
- Marczewska 2007 — *Marczewska M.* Swój i obcy w mieście — kilka uwag o stereotypie kielczanina (rzecz o stosunkach polsko-żydowskich) // Etnolingwistyka. 2007. T. 19. S. 163–173.
- Miszta 2016 — *Miszta A.* Językowo-kulturowy a tekstowy obraz Ślązaka i Ślązaczki we współczesnych piosenkach śląskich. Kraków, 2016.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / Red. J. Krzyzanowski, S. Swirko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- Pisarek 1975 — *Pisarek W.* Wyobrażenia o polskich stereotypach regionalnych // Zeszyty Prasoznawcze. 1975. Z. 1. S. 73–78.
- Rak 2015 — *Rak M.* Kultuuremy podhalańskie. Kraków, 2015 [Biblioteka «LingVariów». T. 19].

-
- SGP — Słownik gwar polskich. Kraków, 1979–. T. 1–, Z. 1–.
- SJPD — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
- Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
- Tyrpa 2006 — *Tyrpa A.* Losy etnonimu «Mazur» // Onomastyka regionalna / Pod red. Jerzego Dumy. Olsztyn, 2006. S. 181–193 [Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. № 230].
- Tyrpa 2011 — *Tyrpa A.* Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków, 2011.
- Tyrpa 2016a — *Tyrpa A.* Kraków w gwarach i folklorze // *Polonica*. XXXVI. 2016. S. 167–180.
- Tyrpa 2016b — *Tyrpa A.* Opowieść o Warszawie wysnuta ze słowników i tekstów folkloru // *Slavica. Onomastica. Regionalia: Prace dedykowane Panu Profesorowi Jerzemu Dumie* / Red. Maria Biolik, Alina Naruszewicz-Duchlińska, Wanda Szulowska, Ewa Wolnicz-Pawłowska, Wojciech Włoskowicz. Olsztyn, 2016. S. 213–224.
- Záturecký 2005 — *Záturecký A. P.* Slovenské přísloví, porekadlá, úsloví a hádanky. Bratislava, 2005.

Сокращения

- Буй — Буйский район Костромской области
В-Важ — Верховажский район Вологодской области
Влг — Вологодская область
Влгд — Вологодский район Вологодской области
Костр — Костромская область